

Взг. к худ. - 1994. - 20 авг. - с. 3.

Стрелочница не испугалась ГУЛАГа

На всех фотографиях Рахиль Михайловна Мессерер-Плисецкая легко узнаваема и в двадцать, и в девяносто лет: все то же круглое лицо, тот же пробор в черных

Когда я с нею познакомился в 47-м году, она с тремя детьми жила в махровой коммуналке позади Большого театра (теперь там, кажется, финская баня). Майя Плисецкая была уже балериной, братья Александр и Азарий занимались в Хореографическом. В комнатах был тот беспорядок, который придает московским квартирам известный уют, на столах и стульях громоздились ноты, книги, модели самолетов, которыми увлекался Азарий. Бумажные цветы и фарфоровые статуэтки вперемежку с фотографиями теснились на буфете и трюмо, а на рояле вечно красовалась забытая сковородка. Непонятно было, как Рахиль Михайловна все успевала: готовка, уборка, все едят в разное время, одному идти в класс, другой возвращается с репетиции, еще нужно выгладить трико... Она была очень подвижная, темпераментная, с быстрой походкой. Мессереры все ходили стремительно. Их было семеро — ее талантливых братьев и сестер с такими необыкновенными именами

- Азарий, Меттаний, Асаф, Елизавета, Суламифь (Мита), Эммануил и Александр.

Рахиль Михайловна снималась в немом кино, у нее был восточный тип лица, и ее приглашали на Узбекскую студию. «Прокаженная», «Вторая жена», «120 тысяч в год» — эти названия сегодня помнят лишь историки кино, но в двадцатых годах и фильмы, и их героиня Ра Мессерер были широко известны. Она вышла замуж за молодого дипломата Михаила Плисецкого, у них было трое детей... Но сталинский террор не пощадил и эту семью. Рахиль Михайловна мне рассказывала:

— Меня арестовали с грудным Азарием сразу же после ареста мужа. Алика взял к себе Асаф, Майю забрала Мита. Я оказалась с Азариком в тюрьме, и никто из родных не знал, что нас ждет. И я не знала. Все сходило с ума от волнения. Мы провели несколько месяцев в одной камере с уголовниками-цыганками, они меня жалели из-за грудного ребенка и не обижали. Нако-

волосах, те же огромные выразительные глаза, которые наследовали ее дети. Это была очень достойная женщина — добрая, умная, талантливая и отзывчивая.

нец я узнала, что нас высылают в Караганду без права переписки. Как дать знать Мите? Без ее помощи мы там погибнем!

Я стала прятать те клочки бумаги, которые нам давали для туалета. Маленькие квадратики из газеты или оберточной бумаги. И хотя нас шмонали, я все же четыре таких кусочка спрятала. У цыганок я выпросила иголку — у них было все — а нитку вытащила из Азаркиной пеленки. Сказала, что шью Азарiku чепчик в дорогу. Я сшила два листка оберточной бумаги, получился конверт. А для записки остался газетный листок, к счастью, с кусочком поля. Я расцарапала руку иголкой и иголкой же кровью написала: «Нас увозят в Караганду». Без подписи. Адрес же: «Москва, Большой театр, Суламифь Мессерер» — нацарапала обглолтой спичкой.

Два дня наш вагон гоняли по путям, сортировали, формировали, а я все смотрела в маленькое зарешеченное окошко — кому кинуть письмо? Кто рискнет поднять его? Это в те годы

грозило лагерем, если не расстрелом. И вдруг я заметила толстую стрелочницу, которая смотрела на наш эшелон. Поезд шел медленно. Я подняла запеленутого Азарку к окошку и рядом показала письмо. Стрелочница увидела. И тогда я бросила письмо; его подхватил вихрь от поезда. Стрелочница следила за ним взглядом, потом мне кивнула.

Я поняла, что письмо упало на землю.

И Мита получила его! Она была тогда одним из первых орденосцев. И добилась, что ее пустили ко мне в ссылку. Если бы не она, не знаю, выжили бы мы с Азаркой. Но эта стрелочница!.. Я готова ее озолотить, нашу спасительницу, да разве мыслимо ее найти? Я даже не знаю, где гоняли нашу теплушку, где это было...

Я всегда вспоминал этот рассказ Рахили Михайловны, когда видел Азария с Алисией Алонсо — он был ее партнером, премьером Кубинского балета — и танцевал на крупнейших сценах мира.

Когда умирал Сталин, все

вокруг сокрушались и ходили с постными лицами, а Рахиль Михайловна вдруг сказала: «Скорее бы сдох, злодей!»

Это теперь все знают о ГУЛАГе, а тогда знали «все-го» несколько миллионов. И Рахиль Михайловна была в их числе.

Василий КАТАНЯН,
кинорежиссер.

Мессерер-Плисецкая Рахиль Михайловна

20.8.94.